

В БЕСЕДЕ С НАШИМ КОРРЕСПОНДЕНТОМ...

АНГЛИЙСКИЙ РЕЖИССЕР
О ПОСТАНОВКЕ «ГАМЛЕТА»

В Москве находится английский режиссер Питер Брук, постановщик «Гамлета». Этот спектакль москвичи увидят в исполнении артистов английской драматической труппы компании «Теннент».

П. Брук прибыл за несколько дней до приезда своей труппы в связи с предварительной подготовкой к гастролям.

Наш корреспондент попросил Питера Брука рассказать о его постановке «Гамлета».

— Мысль поставить «Гамлета» родилась у меня восемь месяцев назад, — говорит английский режиссер. — Довольно много времени ушло на подбор актеров. Последнего исполнителя одной из главных ролей — Клавдия — Алека Клунса я нашел всего три месяца назад. Весь спектакль был сделан фактически совсем недавно. Пьесу репетировали утром и вечером в течение одного месяца. Мы уже выступали в Брайтоне, Оксфорде и Бирмингеме, в Лондоне будем выступать после гастролей в Москве.

Как я трактую «Гамлета»?.. Знакомаясь с постановками этой пьесы у себя на родине, я всякий раз убеждался в том, что режиссеры толкуют ее лишь в соответствии со своей фантазией. Такой подход к постановке какой-либо пьесы вполне оправдан только в том случае, если пьеса слабая. Тогда, конечно, режиссер должен помочь писателю, используя все имеющиеся в его распоряжении средства: освещение, музыку, выдумку в мизансценах. Я считаю, что даже в таких произведениях Шекспира, как «Бесплодные усилия любви», «Зимняя сказка», имеются места, которые уже покрылись пылью, устарели. И в таком случае необходимо радикальное вмешательство режиссера. Но чем лучше пьеса, тем меньше режиссеру нужно ее приукрашивать. Почему «Гамлет» считается великим произведением? Потому что в этой трагедии очень много исторической правды, философских мыслей и глубоких чувств. В ней, так же как в «Король Лире» и «Макбете», много линий развития действия. И все это надо дать почувствовать зрителю. Поэтому я считаю, что при постановке «Гамлета» следует руководствоваться принципом большой экономии выразительных средств, которые в каждом отдельном случае должны быть разными.

Шекспир никогда не писал свои произведения в одном стиле. В одной и той же трагедии вы найдете и прозу и поэзию. Если, например, драматург хочет выразить быстроту действия во времени, то он играет на чисто внешних эффектах, как это делается теперь в кинофильмах. Но вдруг он хочет проанализировать какой-то момент подробно, как это происходит, например, в монологах «Гамлета». Тогда он замедляет действие и дает этот момент крупным планом. Поэтому я полагаю, что в мизансценах нужно следовать методу самого Шекспира, но в то же время не пренебрегать такими современными достижениями режиссуры, ко-

торые помогают полнее раскрыть замысел великого драматурга. На мой взгляд, драматургическая школа Шекспира состоит как раз в том, чтобы использовать всевозможные средства для выражения идеи пьесы, ее содержания. Это значит, что при постановке Шекспира режиссеру следует избегать упрощения одного стиля. Когда режиссер или актер подходит к Шекспиру со своей предвзятой идеей, то это очень опасно, потому что любая такая идея может оказаться несравненно мельче, нежели у Шекспира. Если пьеса великолепна, то надо соблюдать один принцип: глубоко изучить ее, и, когда вы поняли, что хочет автор показать в каждом отдельном моменте, осуществить его замысел. В таком случае вы найдете самые разнообразные методы постановки каждой отдельной части пьесы, и это оградит вас от схематизма — плода собственной фантазии.

Пьесы Шекспира надо играть ясно, просто и понятно. Но, конечно, когда в пьесе имеются театральные моменты, то надо и делать их по-театральному. Драматургический метод Шекспира состоит в том, чтобы строить свои пьесы на контрастах: в «Гамлете», например, трагическое быстро сменяется комическим или бытовым, как это и бывает в жизни. Поэтому Шекспира, на мой взгляд, нужно играть в быстром темпе, создавая определенный ритм, как этого требует сам Шекспир. Только в том случае, когда следует оттенить какой-либо момент, вы можете замедлить действие, но, конечно, не для эффекта и сентиментальности, как это очень часто бывает. Возможность такого искажения Шекспира может быть легко объяснима, если учесть, как красивы его стихи. Но эта красота не должна быть самоцелью ни для режиссера, ни для художника, ни для актера.

В своей работе с актерами при постановке «Гамлета» я следовал указаниям, которые дает Шекспир в самом произведении. Язык актера должен быть естественным. И даже когда исполнитель прибегает к актерским приемам, последние также не должны выходить из границ простоты. Шекспир говорит, что актер даже в моменты страсти должен знать меру.

Долг актера, сказал Шекспир, «держаться зеркало перед природой». Это значит, что каждый жест, каждое слово актера, говорит ли он прозой или стихами, должны соответствовать жизненной правде.

Вот, собственно, те основные идеи, которыми я руководствовался при постановке «Гамлета». Как я их воплотил в своей постановке — судить не мне, а зрителям.

— Я очень счастлив, — говорит в заключение Питер Брук, — что советские зрители увидят моего «Гамлета». Я давно мечтал приехать в вашу страну, и мечта моя осуществилась. Уверен, что наш приезд будет содействовать укреплению дружественных и культурных связей между Англией и СССР.